

воли [2, с. 136]. На основании этого мы считаем, что о наличии у подозреваемого в убийстве психического расстройства или заболевания могут также свидетельствовать низкий уровень образования и общего развития, злоупотребление алкоголем и наркотиками, различные нарушения устной и письменной речи, отклонения от нормального поведения (резкое изменение мимики, внезапная смена настроения, вызывающее поведение, нарушение координации движений и т. п.), сведения о тяжелых психологических травмах и сильных душевных потрясениях, особенности характера человека (чрезмерная агрессия, волнение, суицидальные наклонности и т. д.) и др. Кроме того, основаниями для усомнения во вменяемости подозреваемого в убийстве могут являться отрицательные характеристики с места учебы и работы, показания самого подозреваемого, членов его семьи и соседей, факты неоднократного привлечения к административной ответственности за совершение домашнего насилия, мелкого хулиганства, наличие судимостей за совершение насильственных преступлений.

Таким образом, мы считаем, что сам факт совершения человеком убийства не может быть основанием для назначения судебно-психиатрической экспертизы, поскольку это противоречит принципу презумпции психического здоровья человека, однако перечень оснований для ее назначения не охватывает безусловных и ряда других причин, являющихся основаниями для усомнения в психическом здоровье подозреваемого, поэтому требует дополнения.

1. Нор В.Т., Костицкий М.В. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. Киев, 1985.

2. Судова медицина та психіатрія : навч. посіб. / В.В. Кікінчук [та ін.]. Х., 2019.

УДК 343.98

Е.И. Галяшина

О ДОСТОВЕРНОСТИ ФОНОГРАММ, ИЗЫМАЕМЫХ ИЗ СЕТИ ИНТЕРНЕТ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

В сети Интернет могут размещаться разнообразные информационные материалы, в том числе фонограммы с аудиозаписями различных переговоров, выступлений с политическими заявлениями, антикон-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00190 «Концептуализация противодействия информационным угрозам в интернет-среде с использованием специальных юридико-лингвистических знаний».

ституционными призывами, музыкально-песенными произведениями, пропагандирующими криминальную субкультуру, культивирующими асоциальное поведение и насилие, проповедями и публичными обращениями, оправдывающими и обосновывающими нацистскую и экстремистскую идеологию, и т. д. В настоящее время фонограммы, содержащие словесный экстремизм, представляют собой новые формы реализации наиболее актуальных и динамично развивающихся угроз информационно-мировоззренческой безопасности пользователей интернета. Такие преступления, как насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, терроризм, вооруженный мятеж, массовые беспорядки и т. п., всегда имеют идеологических вдохновителей. Именно они прямо или косвенно провоцируют, в первую очередь среди молодежи, радикальные проявления экстремизма, используя изощренные средства манипуляции и пропаганды, языковые методы и способы воздействия на умы и настроения масс, целенаправленно культивируя образ врага, вербуя в террористические организации своих идеологических сторонников и последователей, в том числе с использованием произведений популярных рэп-исполнителей.

На видеохостингах и в социальных сетях нередко появляются фейковые, «скандальные» аудиозаписи экстремистского или компрометирующего содержания, источник происхождения которых оперативными мерами установить не удастся, а проверка достоверности запечатленной на них информации без использования специальных знаний затруднена. В этой связи особую значимость приобретает криминалистический подход к собиранию и экспертному исследованию устной речи, содержащейся в фонограммах.

Фонограмма как отображение звуковых следов на материальном носителе фиксирует многогранную доказательственную и иную криминалистически значимую информацию о событии аудиозаписи, голосе и речевых особенностях говорящего, об акустической обстановке, о смысловом и эмоциональном содержании речевого сигнала, его воздействующем эффекте, фальсификации фонограммы как доказательства. Фоноскопическое исследование звуковой информации в ее отображении на материальном носителе необходимо для установления существенных обстоятельств расследуемого деяния. В этой связи криминалистическая сущность данного рода экспертизы рассматривается в аспекте использования интегрированных специальных знаний разных «материнских» наук (лингвистики, акустики и др.) для получения по звуковым следам уголовно-релевантной информации в форме судебного доказательства,

установления подлинности и достоверности записанной на фонограмме информации.

Экспертные исследования фонограмм голоса и речи развиваются в отечественной криминалистике более полувека. За эти годы были теоретически проработаны многие аспекты экспертного исследования звуковых следов, зафиксированных на материальных носителях, в целях выявления признаков монтажа, установления по голосу и речи личности человека, обстоятельств, среды и акустических условий производства аудиозаписи, свойств ее материального носителя. Фонограммы как источники доказательств прочно вошли в уголовное судопроизводство, позволяя устанавливать разнообразные фактические данные по записанной звуковой информации. Фоноскопическая экспертиза, проводимая в целях установления факта аутентичности фонограммы, учитывает данные об обстоятельствах и условиях записи речевых сигналов, об использованных для аудиозаписи технических средствах. Отсутствие таких сведений и непредоставление на экспертизу записывающего устройства затрудняет и во многом ограничивает возможности оценки выявленных артефактов как следов привнесенных в фонограмму ситуационных изменений, монтажа и иных манипуляций с речевым и неречевым сигналом, позволяя сомневаться в достоверности фонограммы как доказательства.

Тем не менее в типовых методических рекомендациях для экспертов, проводящих фоноскопические экспертизы, упор делается на технические и лингвистические знания. Бесспорно, их применение позволяет автоматизировать экспертные методики, получать точные результаты измерений акустических параметров голоса и речи, повышать объективность экспертных решений за счет включения в экспертизу математических процедур и алгоритмов, а также вероятностно-статистических методов оценки меры сходства и различия идентификационно значимых признаков. Однако указанные научные положения должны быть адаптированы под цели процессуального познания и базироваться на криминалистическом мышлении эксперта, тогда как наука криминалистика в перечне необходимых эксперту знаний часто вообще не упоминается.

На практике это оборачивается существенными недочетами экспертных выводов, когда эксперты, даже применив все рекомендованные методы и средства, оказываются неспособными дать адекватную криминалистическую оценку полученным результатам и сформулировать корректный вывод о наличии на фонограммах следов неситуационных изменений, инсценировки и иных способов подделки и подлога звуко-

вой информации. Другим следствием недооценки значения криминалистического учения о звуковых следах при проведении идентификационных фоноскопических экспертиз является ошибочная идентификация говорящего по фонограммам, содержащим синтезированную или искусственно модифицированную речь, без криминалистической оценки источника происхождения и записи речевого сигнала.

Ситуация усугубилась с развитием информационных и компьютерных технологий, когда общение людей стало опосредоваться мобильными и компьютеризованными средствами связи, специальными приборами, позволяющими индивиду изменять голос, маскируя личность, искусственно подражать голосу и речи конкретного человека, производить компьютерный монтаж, обработку и редактирование речевых сигналов, компьютерный синтез голоса и речи и т. д. Это потребовало усовершенствовать применяемые в фоноскопической экспертизе методики с внедрением в частную теорию фоноскопической экспертизы раздела криминалистического учения о звуковых следах с учетом современных реалий всеобщей цифровизации.

Следует указать, что размещаемые в сети Интернет фонограммы являются цифровыми, т. е. информацией, хранящейся или передающейся в бинарной форме, что предопределяет необходимость выполнения ряда требований обращения с цифровыми доказательствами при скачивании информации из сети Интернет.

10 декабря 1997 г. на встрече министров юстиции и внутренних дел стран «Большой восьмерки» (G8) в Вашингтоне были утверждены Принципы и план действий по борьбе с высокотехнологическими преступлениями. Головным ведомством, осуществляющим контроль за реализацией согласованного в рамках «Восьмерки» плана действий по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий и подготовку в рамках «Восьмерки» доклада о ходе его реализации, была определена Генеральная прокуратура РФ.

В настоящее время выработаны международные принципы, которыми правоприменителю надлежит руководствоваться при изъятии аудиозаписей, находящихся в интернет-среде, с целью обеспечения возможности в дальнейшем их судебной экспертизы [1].

На основании указанных требований можно сформулировать следующие криминалистически значимые положения для криминалистического учения о звуковых следах. Вся деятельность по изъятию, хранению и передаче цифровых фонограмм должна быть пошагово документирована, а производимые действия не должны изменять свойства и содержание файла с фонограммой. Кроме того, для контроля неиз-

менности аудиозаписи следует верифицировать скопированный файл путем расчета контрольных сумм (хэша) в момент скачивания файла с фонограммой с интернет-сайта, поскольку полученное значение является ориентиром при последующих операциях с сигналограммой. Во избежание невосполнимой утраты информации о событии не допускается производить удаление каких-либо фрагментов полученных сигналограмм. Подобные манипуляции относятся к неситуационным изменениям фонограммы [2].

В документах, фиксирующих скачивание информации в цифровом виде с интернет-сайта, следует указывать название файла, дату его создания и последнего изменения, атрибуты файла. Помимо этого в обязательном порядке стоит приводить результаты расчета хэша, характеристики носителя информации (компакт-диска), на который было произведено копирование, в том числе его серийный номер, а также сведения о программе, использованной для записи диска, и режиме записи. Протокол изъятия информации с интернет-сайта должен содержать данные о лице, которое произвело фиксацию, его подпись; данные об используемых технических средствах (программном обеспечении и компьютерной технике); удостоверяющую запись о том, что символический адрес сайта соответствует его настоящему IP-адресу [3].

От того, насколько полными и адекватными будут предпринятые правоприменителем действия по изъятию и документированию файлов с фонограммами, размещенных на интернет-сайтах, будут зависеть возможность проверки достоверности звуковых следов и использования их в дальнейшем как доказательств по делу.

1. Guidelines for best practice in the forensic examination of digital technology [Electronic resource]. URL: <https://cryptome.org/2014/03/forensic-digital-best-practice.pdf> (date of access: 30.09.2020).

2. Галяшина Е.И., Шамаев Г.П. Обеспечение достоверности материалов оперативно-розыскных мероприятий как доказательств в уголовном судопроизводстве // Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 18–19 июня 2012 г.) / С.-Петерб. гос. ун-т ; под общ. ред. С.П. Кушниренко. СПб., 2012. С. 492–500.

3. Семикаленова А.И., Рядовский И.А. Использование специальных знаний при обнаружении и фиксации цифровых следов: анализ современной практики // Актуал. проблемы рос. права. 2019. № 6. С. 178–185.

УДК 340.6

А.О. Гусенцов

ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ И СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ОЦЕНКА ОТЛОЖЕНИЯ МЕТАЛЛОВ ВОКРУГ ВХОДНЫХ ОГНЕСТРЕЛЬНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ РИКОШЕТА

Результатом взаимодействия огнестрельного снаряда с преградой может быть изменение параметров его внешней баллистики (направление и скорость движения, деформация, фрагментация и др.), которое, в свою очередь, может приводить к рикошетированию и тем самым обуславливать формирование весьма своеобразных морфологических признаков огнестрельных повреждений, главным образом входного отверстия [1, с. 235–237]. Следует отметить, что, несмотря на значительные успехи, достигнутые в области судебно-медицинской баллистики, закономерности формирования, возможности комплексного исследования и дифференциальной диагностики огнестрельных пулевых и дробовых повреждений, образовавшихся в результате выстрела из нарезного и гладкоствольного оружия и последующего рикошета огнестрельного снаряда, изучены недостаточно [2].

С целью устранения указанных пробелов в судебно-медицинском изучении запреградной огнестрельной травмы проведены баллистические эксперименты с использованием различных видов оружия и боеприпасов: нарезного (9-мм пистолета Макарова) с патронами калибра 9,0 мм и гладкоствольного (охотничьего ружья модели «ИЖ-27 М» 12-го калибра) с патронами охотничьими 12/70 с картечью 8,5 мм 32 г Profi Hunter и патронами охотничьими пулевыми «Золото» 12/70 с пулей 32 г Gualandi). В качестве преград выступали материалы, наиболее часто встречающиеся в зданиях, сооружениях, транспортных средствах и т. п.: кирпич керамический обыкновенный марки 100, пенобетон марки D600 класса B2,5, бетон марки M350 класса B25, сталь марки СТ45. В экспериментальных мишенях использовались фрагменты бязи, а также кожно-мышечные лоскуты, изъятые с ампутированных нижних конечностей человека. Значения до- и запреградного расстояний составляли 100 см и 50 см соответственно, угла встречи с преградой – 10°, 20°, 30°, 40°, 50°.

В настоящее время завершается основной этап баллистического эксперимента с использованием гладкоствольного оружия. Произведено 779 выстрелов, из них зачетными признаны 599 поражений экспериментальных мишеней. (В незачетных случаях происходило краевое повреж-